

Лесной комплекс Дальнего Востока: есть ли задел под будущее развитие?

Н.Е. АНТОНОВА, доктор экономических наук, Институт экономических исследований ДВО РАН, Хабаровск. E-mail: antonova@ecrin.ru

Аннотация. В статье исследуются современное состояние и возможности развития лесного комплекса Дальнего Востока как отрасли глобальной специализации. Рассматривается влияние двух определяющих факторов – институционального и фактора внешнего спроса. Показано, что государственная отраслевая поддержка, направленная на развитие производств с высокой добавленной стоимостью, становится более сдержанной. Инструменты региональной поддержки ЛПК в условиях повышенного внимания к региону со стороны федерального центра фокусируются в основном на крупном бизнесе. Выявлено, что фактор внешнего спроса все более замыкается на китайский рынок как в части торговли лесопромышленной продукцией, так и инвестиционного участия. Показано, что перспективы развития лесного комплекса Дальнего Востока связаны с созданием целлюлозно-бумажного комбината, где наиболее выражено смыкание институционального и внешнего факторов.

Ключевые слова: лесной комплекс; Дальний Восток; институциональный фактор; фактор внешнего спроса; перспективы развития

Введение

Природные ресурсы и экономико-географическое положение – определяющие факторы развития экономики Дальнего Востока и входящих в нее секторов. Такую же важную роль на всех этапах развития играли государственное регулирование экономической системы и ориентация на сотрудничество с сопредельными странами и рынками [Минакир, 2006].

Лесной комплекс более 70 лет является одной из отраслей специализации Дальнего Востока, который в сравнении с другими регионами выглядит явно ресурсоизбыточным – на него приходится 25% запасов древесины и 37% лесопокрытой площади России. Проблема состоит в доступности этих ресурсов для технологического развития лесного комплекса (ЛПК), исходя из современных требований федерального центра. Так, несмотря на то, что из всех регионов ДФО особенно богата лесом

Якутия, наиболее востребованны эти ресурсы в Хабаровском, Приморском краях, Амурской и Еврейской автономной областях, расположенных в экономически развитой южной части Дальнего Востока и тяготеющих к экспортным рынкам.

Надо отметить, что для лесного комплекса влияние институционального и внешнего факторов было неодинаковым в разные периоды. В 1990-е вплоть до середины 2000-х годов усиливалось значение внешнего спроса в форме развития торгового сотрудничества со странами Северо-Восточной Азии (СВА), обусловленного благоприятным географическим положением и сворачиванием внутреннего спроса на продукцию [Шейнгауз, 2007]. При этом вывозилось главным образом сырье.

Произошедшие с 2007 г. изменения в институциональных условиях лесопользования, охватившие все его сферы, включая лесное хозяйство, лесопромышленное производство и лесной экспорт, были направлены на «переформатирование» продуктовой структуры в пользу товаров с высокой добавленной стоимостью. При этом изменились не только ситуация в лесном комплексе России и, в частности, Дальнего Востока, но и расстановка сил на лесных рынках СВА – доля российских экспортеров необработанной древесины на них снизилась. Эти перемены, совпавшие по времени с мировым экономическим кризисом, привели к нарушению устойчивости рынка лесопромышленной продукции, дестабилизации условий для бизнеса в этой сфере, что вызвало необходимость перехода к его «ручному» управлению на Дальнем Востоке в виде дополнительных льгот от федерального центра.

С 2014 г. Дальний Восток стал регионом повышенного внимания со стороны федеральных властей, внедривших целый набор специальных институциональных инструментов для усиления инвестиционной привлекательности его экономики [Изотов, 2017]. Лесной бизнес не замедлил отреагировать на эти новации. С 2017 г. уже прицельно для лесного комплекса ДФО был принят новый пул нормативно-правовых документов в рамках изменения таможенного режима при экспорте необработанной древесины, который вызвал определенный шок у многих пользователей¹.

¹ Лесные предприятия замерли в ожидании пошлины// Тихоокеанская звезда. 2018. 11 декабря.

В 2018 г. институциональные новации в лесном комплексе региона продолжились. Их общий посыл – создать задел для будущего инновационного развития комплекса.

Одновременно все эти годы происходили серьезные изменения на китайском лесном рынке, которые вносили корректировки в ожидаемые результаты от институциональных воздействий на дальневосточный ЛПК.

Все эти динамичные, зачастую разнонаправленные процессы формируют новую композицию в экономической системе «лесной комплекс Дальнего Востока». И порождает ряд вопросов: есть ли у этой системы в ее потенциально новой композиции возможности для будущего развития? Каким это развитие может быть? Какой из факторов – институциональный или внешнего спроса – вносит в него наибольший вклад? Целью данной статьи является поиск ответов на эти вопросы.

Ситуация в лесном комплексе Дальнего Востока в 2014–2017 гг.

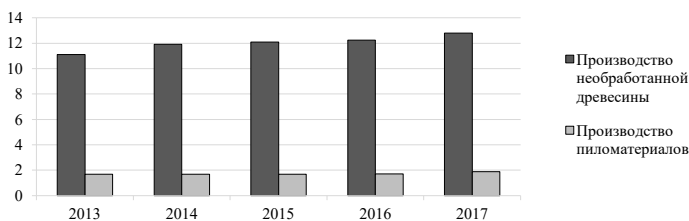
В других публикациях мы уже давали подробную характеристику лесного комплекса Дальнего Востока, включая ресурсные, пространственные, производственные, инвестиционные аспекты [Антонова и др., 2017], здесь же рассмотрим динамику его развития в 2014–2017 гг.

Реализуемая с 2007 г. политика федерального центра, направленная на технологическое развитие национального ЛПК, дала неоднозначные результаты на Дальнем Востоке как в части продуктовой структуры деревообработки, так и с точки зрения вклада в экономику региона.

Дальневосточные производители продолжали ориентироваться на низкомаржинальные сегменты – необработанную древесину, пиломатериалы, что соответствует национальному тренду в продуктовой структуре лесного комплекса², сложившемуся в связи с ориентацией бизнеса на проекты с коротким периодом окупаемости в условиях нестабильных институциональных условий. Поэтому необработанная древесина оставалась главным продуктом производства дальневосточного ЛПК (рис. 1). При

²Стратегия развития лесного комплекса Российской Федерации до 2030 года (утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 20 сентября 2018 г. № 1989-р).

этом на Хабаровский и Приморский края пришлось в 2017 г. 87% производства необработанной древесины и 75% пиломатериалов.

Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели, 2013–2018 гг.

Рис. 1. Динамика производства необработанной древесины и пиломатериалов в ДФО в 2014–2017 гг., млн м³

Несмотря на реализацию ряда приоритетных инвестиционных проектов по производству продукции с высокой добавленной стоимостью, продуктовую структуру деревообрабатывающего сегмента регионального ЛПК продолжают формировать пиломатериалы (84% деревообработки). Это объясняется тем, что новые производства в массе своей выпускают все те же пиломатериалы, только улучшенного качества (сухие, строганные, профилированные, клееный брус). По удельному весу в общем объеме производства лидируют традиционные пиломатериалы (сырые необрезные и обрезные).

Лесозаготовительная деятельность определяет и производственно-экономические показатели комплекса, которые улучшились за 2014–2017 гг. Производство необработанной древесины за этот период выросло на 15%, пиломатериалов – на 11%. Физический объем экспорта необработанной древесины увеличился на 23%, пиломатериалов – на 38%. Налоги от лесозаготовки в целом по ДФО в бюджеты всех уровней выросли в 4,7 раза (с 225,4 до 1051,8 млн руб.)³. Наиболее значительный рост (на 20%) был в 2017 г. Налоги от деревообработки изменились от отрицательной величины –251,4 млн руб. в 2014 г. (это было связано с большими суммами возврата НДС экспортерам) до 210,1 млн руб. в 2017 г.

³ Данные ФНС России. URL: https://www.nalog.ru/rn77/related_activities/statistics_and_analytics/forms/ (дата обращения: 06.03.2019).

Улучшение финансовых показателей дальневосточного ЛПК связано с подбжимками в факторе внешнего спроса. Основным рынком сбыта для него остаются страны СВА во главе с Китаем, на долю которого пришлось в 2017 г. 97% дальневосточной необработанной древесины и 90% пиломатериалов. Поэтому рассмотрим кратко происходящие в лесном секторе КНР изменения.

Лесная политика в Китае и ее влияние на мировой и российский рынок

Китай все эти годы остается главным мировым импортером лесопромышленной продукции, включая необработанную древесину, пиломатериалы и целлюлозу [Forest Products, 2018]. Поэтому институциональные решения, принимаемые китайским руководством в отношении лесного сектора, являются предметом пристального внимания со стороны зарубежных поставщиков лесопромышленной продукции.

Лесная реформа в Китае продолжается уже 40 лет [Hyde, Yin, 2019], пройдя несколько этапов [Hyde, 2019]. В 2000 г. здесь была принята «Программа сохранения естественных лесов», которая нацелена на сведение к минимуму коммерческих рубок в естественных лесах. С 2011 г. она находится в своей второй фазе (2011–2020 гг.), включающей полный запрет коммерческих рубок [Shi et al., 2017]. Процесс идет постепенно. В 2014 г. был объявлен мораторий на вырубку естественных лесов в провинции Хэйлуунцзян в границах государственных лесничеств⁴.

Это сразу вызвало рост импорта Китаем древесины (14% в 2014 г. по сравнению с 2013 г.), что привело к затовариванию складов сырьем и падению мирового импорта в 2015 г. на те же 14%. Импорт древесины из России сократился в 2015 г. лишь на 7%, (до 10,6 млн м³), но средние его цены снизились на 11% (впрочем, обвал цен на мировом рынке лесоматериалов в 2015 г. произошел из-за выброса большого объема продукции из Канады, США и Новой Зеландии)⁵.

⁴ В провинции Хэйлуунцзян объявлен полный мораторий на коммерческую вырубку природных лесов. Новости от 01.04.2014. URL: http://russian.china.org.cn/business/txt/2014-04/01/content_31965236.htm (дата обращения: 11.03.2019).

⁵ Поставки российского круглого леса в Китай растут. 21.03.2018. URL: <http://www.lesonline.ru/analytic/>(дата обращения: 11.03.2019).

В 2015 г. Китай увеличил на 20% закупки хвойных пиломатериалов из России, которая стала крупнейшим поставщиком этой продукции на его рынок. Правда, выгоды этот статус не принес: цены на импорт упали на 24%, достигнув десятилетнего минимума⁶.

Возвращаясь к лесной политике КНР, отметим, что в период 2015–2019 гг. общий разрешенный объем заготовки древесины в стране составляет 5 млрд м³ (или 1 млрд м³ в год), в том числе на плантациях разрешено заготовить 2,8 млрд м³. К 2020 г. будут введены полный запрет рубок в естественных лесах и сокращение коммерческих рубок на 20% в остальных [Спивак, 2018]. Инструментом регулирования являются предельные квоты на вырубку древесины по провинциям и округам, одобренные Госсоветом КНР на 2016–2020 гг.⁷ Показатели изменения лесного покрова и запаса древесины по территориям страны подлежат ежегодной проверке.

Данные меры были сформированы исходя из стратегической задачи по восстановлению и улучшению системы сохранения девственных лесов, изложенной в планах 13-й пятилетки [The 13th Five-Year Plan, 2016]. В этих целях, в частности, планируется создание новых плантаций, лесозащитных полос в отдельных районах и в прибрежных зонах бассейна Янцзы и Жемчужной, дальнейшее формирование сети охранных лесов и постепенное прекращение коммерческих рубок в девственных лесах.

В связи с сокращением использования Китаем собственного лесного сырья, по данным FAO (Food and Agricultural Organization of the United Nations), в 2016 г. в Китай было ввезено больше необработанной древесины (49,1 млн м³, или 39% мирового объема импорта этой продукции). При этом Китай сам является крупным производителем древесины (164,4 млн м³ в 2016 г.), так что импорт закрывает лишь 23% его ежегодной потребности в сырье [Forest Products, 2018].

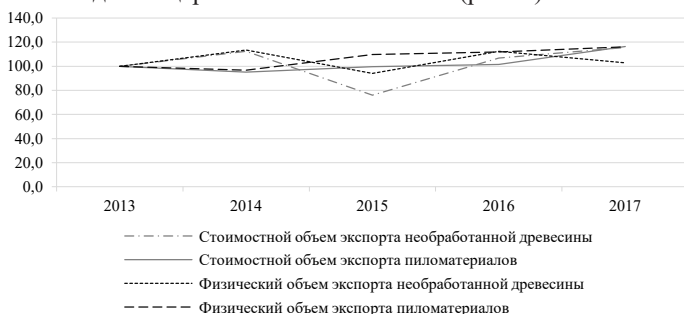
Ослабление курса рубля по отношению к основным валютам повысило конкурентоспособность российской древесины на китайском рынке, позволив оттеснить основных конкурентов – США,

⁶ Wood Resources International: в 2015 г. Китай увеличил импорт российских пиломатериалов на 20%. Новости Lesprom Network от 11.03.2016. URL: <http://www.lesprom.com/ru/news/72397> (дата обращения: 12.03.2019).

⁷ State Council approves deforestation plans. Feb 16, 2016. URL: http://english.gov.cn/policies/latest_releases/2016/02/16/content_281475290789032.htm (дата обращения: 12.03.2019).

Канаду и Новую Зеландию. В 2016 г. объем поставок необработанной древесины из России увеличился на 10,8%, в 2017 г. – еще на 2,5%⁸. Но цена на российскую древесину снижалась вплоть до 2017 г.

В России основным поставщиком древесины в Китай является Дальний Восток, динамика экспорта которого вносит существенный вклад в общероссийские показатели (рис. 2).

Источник: рассчитано по: Внешняя торговля ДФО / Дальневосточное таможенное управление ФТС России. 2017. URL: <http://dvtu.customs.ru/index.php> (дата обращения: 01.03.2019).

Рис. 2. Динамика физического и стоимостного объемов экспорта необработанной древесины и пиломатериалов в ДФО в 2013–2017 гг. (цепной индекс),%

На долю Дальнего Востока приходилось в 2017 г. 53% общероссийских поставок в КНР (6,7 млн м³), в том числе Хабаровский край поставил 4,6 млн м³, Приморский – 1,7 млн м³, 0,7 млн м³ пришлось на Амурскую и Еврейскую автономную области⁹.

В 2017 г. средняя цена на необработанную древесину с Дальнего Востока существенно выросла (с 76,9 в 2016 г. до 86,2 долл./м³), в 2018 г. она прибавила еще немного (86,6 долл./м³), что вызвало рост объемов поставок. Цены на дальневосточные пиломатериалы в КНР в 2017–2018 гг. следовали общей повышательной тенденции на мировом рынке (рост соответственно на 2,5%, и 14,4%)¹⁰.

⁸ Поставки российского круглого леса в Китай растут. 21.03.2018. URL: <http://www.lesonline.ru/analytic/>(дата обращения: 11.03.2019).

⁹ Внешняя торговля ДФО / Дальневосточное таможенное управление ФТС России. 2017. URL: <http://dvtu.customs.ru/index.php> (дата обращения: 01.03.2019).

¹⁰ Внешняя торговля ДФО / Дальневосточное таможенное управление ФТС России. 2017. URL: <http://dvtu.customs.ru/index.php> (дата обращения: 01.03.2019).

Увеличились и физические объемы поставок на 15% в 2017 г. и на 3% в 2018 г.

Как уже отмечалось, улучшение конъюнктуры на внешнем рынке положительно сказалось на показателях лесного комплекса округа.

В этот же период федеральный центр начал проводить активную политику по развитию Дальнего Востока, в том числе с помощью элементов «ручного» управления лесным комплексом ДФО, что также отразилось на его состоянии.

Государственная поддержка лесного комплекса: отраслевой и региональный аспекты

Все формы государственной поддержки дальневосточного ЛПК можно условно разделить на отраслевые и региональные. Среди отраслевых инструментов традиционно выделяется механизм приоритетных инвестпроектов в области освоения лесов. Он действовал в неизменном виде с 2007 по 2017 гг. За это время им воспользовались девять лесопромышленных компаний Дальнего Востока, наладивших выпуск пиломатериалов улучшенного качества (профилированных, сращенных, клееных и т.д.), топливных гранул, а также лущеного шпона [Антонова и др., 2017]. Однако в настоящее время работает лишь часть производств, получивших господдержку. Причины остановки производства разные: нехватка сырья, неконкурентоспособность продукции из-за просчетов в проектной себестоимости, банкротство предприятий из-за невозможности расплатиться с кредиторами. Реализацию проектов в отдельные годы осложняли неблагоприятные тенденции на китайском рынке, девальвация рубля.

На созданные мощности сегодня приходят новые инвесторы, делаются попытки запустить производство при поддержке региональных органов власти¹¹. Иногда прежние владельцы стремятся повысить их эффективность. Так, ООО «Римбунан Хиджау МДФ» в целях снижения сырьевой составляющей себестоимости древесноволокнистых плит построил два лесопильных завода,

¹¹ Руководство «Нового леса» вышло на переговоры с правительством Хабаровского края. 07.03.2019. URL: <https://khabkrai.ru/events/news/173307> (дата обращения: 07.03.2019).

отходы с которых использует для выпуска плит и выработки тепловой энергии¹².

С 2018 г. в России действуют более жесткие требования к реализации приоритетных инвестиционных проектов в сфере ЛПК¹³: теперь срок действия пониженной платы за лесопользование зависит от объема инвестиций и начинается только с введением лесоперерабатывающих мощностей в эксплуатацию, а до этого момента арендная плата начисляется в полном объеме. Изменился порядок включения инвестпроектов в перечень приоритетных: объем инвестиций должен составлять не менее 500 млн руб. на *модернизацию* предприятий лесопромышленной инфраструктуры и не менее 750 млн руб. на *создание новых* объектов (причем объем инвестиций на создание объектов лесной инфраструктуры не должен превышать 20% общей суммы). При этом инвестор должен документально подтвердить наличие у него собственных или заемных средств в объеме не менее чем 50% от необходимых на весь проект, или 25% необходимых на первые два года, если срок реализации проекта превышает три года.

Очевидно, десятилетний опыт поддержки инвестпроектов в деревообработке показал необходимость введения барьеров для отсеечения неэффективных и недобросовестных инвесторов.

Что касается региональной поддержки лесного комплекса Дальнего Востока, она осуществляется как в рамках нового курса правительства на ускоренное развитие ДФО, так и инструментами стимулирования регионального экспорта.

Одной из таких мер является включение во все отраслевые государственные программы специальных разделов, посвященных ускоренному развитию отраслей экономики ДФО. Не всегда это оказывается одинаково эффективным. Так, в госпрограмме «Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности» в части, касающейся мер поддержки ЛПК, «дальневосточный» раздел представлен субсидиями на возмещение части затрат для лесопромышленных предприятий, реализующих приоритетные инвестпроекты¹⁴.

¹² Комплексная региональная программа «О развитии лесопромышленного комплекса Хабаровского края до 2020 года», утв. распоряжением Правительства Хабаровского края от 12 декабря 2015 г. № 942-рп

¹³ Постановление Правительства РФ от 23.02.2018 № 190.

¹⁴ Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности»: постановление Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. № 328.

При этом, как ни странно, субсидии были предназначены только для Хабаровского края, другие дальневосточные субъекты в этот раздел не попали. В 2014 г. по этой программе лесопромышленным предприятиям ДФО было выплачено 1,51 млрд руб., в 2015 – 2,13, в 2016 г. – 1,95 (при плане в 2,22 млрд руб.). В дальнейшем сумма резко уменьшилась: в 2017 г. – до 1,30, в 2018 г. – 0,69 млрд руб.

На Дальнем Востоке такие субсидии получили всего четыре предприятия из числа наиболее крупных¹⁵, что и подразумевалось: заявки на такую субсидию принимаются от инвесторов, уже вложивших в реализацию проекта не менее 1 млрд руб.¹⁶

Инструментом, который непосредственно был разработан для Дальнего Востока и активно здесь используется, являются территории опережающего развития (ТОР) и Свободный порт Владивосток (СПВ), наделенные особым организационно-правовым и экономическим статусом, включая льготное налоговое, таможенное, инвестиционное регулирование. Среди лесопромышленных предприятий лишь три воспользовались этими инструментами: RFP Group построила в Амурске (ТОР «Комсомольск») завод по производству пиломатериалов и приступает к строительству завода по производству топливных гранул¹⁷. Другой резидент той же ТОР – ООО «Логистик Лес» начал строительство лесопильного завода (к слову, эта же компания в 2017 г. стала реципиентом федеральной поддержки приоритетных проектов в области освоения лесов). В ТОР «Амуро-Хинганская» (Еврейская АО) китайский инвестор ООО «Амурпром» реализует проект по организации производства пиломатериалов, шпона, мебельных щитов и топливных брикетов [Доценко, 2017].

В рамках Свободного порта Владивосток реализуются, как правило, небольшие проекты по производству традиционного

¹⁵ Доклад о целях и задачах Минпромторга России на 2017 год и основных результатах деятельности за 2016 год http://minpromtorg.gov.ru/common/upload/files/Minpromtorg_block_15.03_final_for_web.pdf (дата обращения: 20.02.2019).

¹⁶ Постановление Правительства РФ от 5 декабря 2014 г. № 1319. Кроме того, обязательным условием получения субсидии является наличие соглашения с субъектом Федерации об организации центра комплексной переработки древесины. В документе должна быть прописана сумма инвестиций, количество вновь созданных рабочих мест и объем мощностей по переработке низкосортной древесины

¹⁷ Лесная промышленность: отраслевой аналитический обзор//Экономика Дальнего Востока. Официальный бюллетень Минвостокразвития России 2018. № 16 (апрель) [Эл. ресурс]. URL: https://minvr.ru/upload/iblock/e30/agenda_16_rus.pdf (дата обращения: 20.03.2019).

набора продукции (пиломатериалы, мебельный щит, шпон, топливные брикеты, пеллеты). Механизм СПВ, в отличие от ТОР, не предполагает участия государства в создании инфраструктуры, поэтому регистрация резидентов в нем не такая жесткая.

В целом, государственная поддержка проектов ЛПК на Дальнем Востоке (особенно с привлечением бюджетных ресурсов) направлена в первую очередь на крупные предприятия. Не стал исключением и новый инструмент государственного воздействия – введение пониженных пошлин на экспорт необработанной древесины в рамках выделяемых квот. Такой акт правительства можно было бы расценивать как исправление ситуации неравных конкурентных условий, сложившихся в результате избирательного снижения в 2012 г. экспортных пошлин на отдельные породы хвойной древесины. Тогда преимущество получили лесоэкспортеры из европейской части страны и Сибири, а интересы дальневосточников оказались дискриминированы, что дестабилизировало связи между российскими и иностранными партнерами в торговле лесопромышленной продукцией [Антонова, 2017].

Наконец, в декабре 2017 г. для предприятий ДФО были одновременно приняты два постановления – № 1520 «О тарифных квотах на отдельные виды лесоматериалов, вывозимых... в третьи страны» и № 1521 «О внесении изменений в ставки вывозных таможенных пошлин на товары, вывозимые из РФ за пределы государств – участников соглашений о таможенном союзе». Первое из них предусматривало квотированный экспорт необработанной древесины трех пород (ели аянской, пихты белокорой и лиственницы даурской) по сниженным таможенным пошлинам (6,5% против 25%). Условие получения квоты – обеспечение не менее 20% экспорта продукции деревообработки в общем объеме экспорта с последующим увеличением этой доли до 35%. Общий объем квоты для региона – 4 млн м³, то есть исходя из существующей ситуации, снижение пошлин охватило 60% дальневосточного экспорта необработанной древесины. За пределами квоты таможенная ставка осталась прежней – 25% (подчеркнем, что для экспортеров из северо-западных и сибирских регионов, на которых распространяются льготные пошлины на ель и сосну обыкновенные, не существует никаких специальных требований по экспорту определенных объемов продукции деревопереработки).

Отметим, что в 2018 г. квота была распределена между всего лишь 12 предприятиями ДВО, из которых пять компаний из Хабаровского края и семь из Приморского¹⁸. При этом 77% общего объема пришлось на ООО «Торговый дом РФП», входящий в холдинг RFP Group (Хабаровский край). Еще 14% досталось ОАО «Тернейлес» (Приморский край).

На 2019 г. лицензии на тот же объем экспорта получили уже 18 компаний. Соответственно, произошло некоторое перераспределение долей: RFP Group получила 65%, «Тернейлес» с дочерним предприятием – 17%. На нового крупного игрока – малайзийскую компанию «Римбуна Хиджау МДФ», также работающую в Хабаровском крае, пришлось 14%. Остальные 4% были распределены среди 15 компаний. Понятно, что ими перечень деревообрабатывающих предприятий ДФО далеко не исчерпывается. Таким образом, получается, что введение квот на экспорт древесины по сниженным ставкам пошлин – это, по сути, торг между государством и RFP Group как крупнейшим лесозаготовителем в ДФО и в России.

С 2019 г., согласно Постановлению № 1521, пошлина вне рамок квоты должна увеличиться до 40%, с 2020 г. – до 60, с 1 января 2021 г. – до 80%. То есть налицо попытка государства ввести таможенные барьеры на вывоз необработанной древесины в рамках отдельного федерального округа.

Судя по практике прежних лет, мелкие и средние дальневосточные предприятия, ориентированные на экспорт древесины, и в будущем вряд ли смогут получить квоту, поэтому после повышения пошлин им придется перенаправить потоки древесины на внутренний рынок или прекратить свою деятельность. На наш взгляд, это может вызвать коллапс отрасли, поскольку не все из них могут создавать деревообрабатывающие предприятия, которые будут эффективно работать, так как высоки издержки (удаленность местоположения, дорогая электроэнергия в местах, не охваченных централизованным энергоснабжением, сезонность существования дорог). Вариант продажи древесины другим деревопереработчикам ограничивается спросом только на высокосортный пиловочник (идущий на производство основного вида переработки – пиломатериалов), который составляет 20–30% в общем объеме заготавливаемого

¹⁸ URL: http://minpromtorg.gov.ru/common/upload/files/docs/Prikaz_784_14032018.pdf (дата обращения: 20.03.2019).

сырья. Невостребованная заготовленная низкосортная древесина, на которую в настоящее время есть спрос только на внешнем рынке, будет накапливаться на складах лесозаготовителей. Как следствие, лесозаготовителей в отдаленных лесных поселках ждут отсутствие выручки, невыплаты заработной платы, налогов, безработица.

Ситуацию можно было бы смягчить, если бы механизм квотирования экспорта древесины предусматривал разрешение на экспортную квоту лесозаготовителям, не имеющим перерабатывающих мощностей, в обмен на поставку сырья на местные предприятия деревопереработки. Необходимо доработать постановление о тарифных квотах с включением в него такого механизма, что позволит пока еще стабильно работающим лесозаготовительным предприятиям сохранить свои производства.

Но остается проблема низкосортной древесины, спрос на которую возможен только при условии создания утилизатора такой древесины. Для производства пеллет, плит МДФ (мощности, которые созданы в ДФО) низкосортная древесина подходит лишь частично, поскольку здесь требуется сырье высокого качества (в основном отходы лесопиления), тем более что продукция ориентирована на требовательный внешний рынок¹⁹. Кроме того, для экономии затрат на сырье и обеспечения конкурентоспособности продукции деревообработчики стремятся комбинировать производство плит МДФ и пеллет с собственным лесопильным производством.

Механизм квотирования не нов. Он действует уже с 2012 г. для экспортеров ели и сосны обыкновенных, произрастающих в основном в европейской части России и Сибири²⁰. Условием для получения тарифной квоты является лишь подтверждение экспортных поставок этих пород в предыдущие три года без каких-либо дополнительных нагрузок в виде обязательного наличия перерабатывающих мощностей. Возникает вопрос: почему по отношению к лесозэкспортерам из ДФО установлено обязательное условие экспорта продукции деревопереработки?²¹

¹⁹ Например, для пеллет важны зольность сырья, влажность, пригодность для гранулирования и т.д., которое получается из отходов лесопиления.

²⁰ Постановление Правительства РФ от 30 июля 2012 года № 779.

²¹ Об установлении тарифных квот и ставок вывозных таможенных пошлин на отдельные виды лесоматериалов URL: <http://government.ru/docs/30598/> (дата обращения: 15.03.2019).

Создание ЦБК как утилизатора низкосортной древесины: есть ли будущее?

Создание ЦБК в ДФО необходимо для сбалансированного развития лесного комплекса. В настоящее время на Дальнем Востоке не осталось ни одного целлюлозно-бумажного производства: заводы, эффективно работавшие на Сахалине и в Хабаровском крае, были ликвидированы к концу 1990-х гг. в процессе общей разрухи в экономике. Регион остался без утилизатора мелкотоварной низкосортной древесины и древесных отходов, что создает проблемы для устойчивого развития ЛПК. По оценкам специалистов [Современное..., 2009], из передаваемого в рубку объема древесины в ДФО у пня остается 30% низкосортного сырья в виде брошенных хлыстов, тонкомера, порубочных остатков. Кроме того, доминирование производства пиломатериалов ведет к увеличению количества отходов, обостряет проблему их использования²²: отходы лесопиления на небольших предприятиях (крупные предприятия стремятся использовать их как сырье для другой продукции, выработки энергии) создают экологические проблемы, захламывая территорию, создавая угрозу пожаров. Целлюлозное производство сможет решить проблему утилизации низкотоварной древесины.

Вопрос о строительстве целлюлозно-бумажного комбината остается открытым с 2005 г., когда в ДФО пришла RFP Group. Очередной всплеск интереса к теме поднялся в связи с созданием ТОСЭР «Комсомольск», в зону которой попал г. Амурск, где предполагалось строительство ЦБК мощностью 500 тыс. т целлюлозы (варианты конечного продукта меняются в зависимости от продуктовых предпочтений потенциальных инвесторов – от небеленой целлюлозы до ее новых видов: вискозной, растворимой и микрокристаллической)²³.

Проект требует крупных инвестиций (1,5 млрд долл.), и даже при существующих преференциях в рамках ТОР срок окупаемости остается немалым (от девяти лет, в зависимости от доли привлеченных кредитов). Поэтому основная проблема – поиски

²² Лесной комплекс Дальнего Востока России: аналитический обзор. Хабаровск: РИОТИП, 2008. 192 с. Forest Sector of the Russian Far East: An Analytical Survey (2008). Khabarovsk: RIOTIP. 192 p.

²³ Из лесопромышленников выжимают целлюлозу 09.10.2017. URL: <https://www.eastrussia.ru/material/iz-lesopromyshlennikov-vyzhimayut-tsellyulozu/> (дата обращения: 15.03.2019).

инвестора. Проект поддерживается и продвигается правительством Хабаровского края. В последние два года активно подключились Минвостокразвития РФ и полномочный представитель Президента в ДФО, в том числе в рамках ежегодного международного Восточного экономического форума (ВЭФ). Во всех переговорных процессах по ЦБК акцентируется внимание на возможностях правовых режимов ТОР и СПВ.

Среди российских инвесторов наиболее реальным представляется крупнейшая в ДФО компания RFP Group, которую все эти годы органы власти подталкивают к реализации проекта. Но ввязываться в него в одиночку компания не решается и активно ищет иностранных партнеров. Один из последних вариантов – китайская China Paper Corporation, специализирующаяся на производстве бумаги (входит в China Chengtong Holdings)²⁴. Тем более что у RFP Group уже есть китайские инвестиции в акционерном капитале – в 2013 г. 42% ее акций приобрел Российско-китайский инвестиционный фонд (РКИФ), созданный Российским фондом прямых инвестиций и China Investment Corporation (CIC)²⁵. Инвестиции РКИФ были направлены на создание производств по выпуску лушеного шпона и пиломатериалов в рамках проекта «Дальневосточный центр глубокой переработки древесины».

В 2016 г. интерес к строительству ЦБК проявил еще один российский игрок – ООО «Новая русская целлюлоза», заявивший о планах создания производства по выпуску сульфитной целлюлозы объемом 300 тыс. т в год (инвестиции составят 41,5 млрд руб.). Компания также намерена привлечь китайского партнера (China 22MCC Group corporation)²⁶. В рамках III Восточного экономического форума она подписала меморандум об инвестиционном соглашении с правительством Хабаровского края и китайскими партнерами по строительству целлюлозного завода в г. Амурске.

²⁴ Китайская China Paper планирует построить целлюлозный комбинат в Хабаровском крае. 14 марта 2017 г. URL: https://www.lesprom.com/ru/news_77624/ (дата обращения: 15.03.2019).

²⁵ Российско-китайский инвестиционный фонд стал владельцем 42% акций холдинга RFP Group URL: <https://rdif.ru/fullNews/463/> (дата обращения: 20.02.2019).

²⁶ URL: <http://www.новаярусскаяцеллюлоза.pf/content/news-1.php> (дата обращения: 20.02.2019).

Тем не менее с 2017 г. ситуация с инвестированием ЦБК не продвинулась ни по одному из вариантов. Поэтому поиск инвесторов по-прежнему актуален.

На мировом рынке целлюлозы продолжается сдвиг спроса в сторону Китая, на который в 2016 г. приходилось 18% мирового потребления и 35% мирового импорта целлюлозы (32,3 и 21,9 млн т соответственно) [Forest Products, 2018]. Ожидается, что к 2020 г. общий объем потребления целлюлозы в Китае возрастет до 38 млн т, и при планируемом сокращении собственной коммерческой лесозаготовки Китай может увеличить закупки российской целлюлозы. Это может стимулировать потенциальных инвесторов в размещении производства поближе к точке сбыта, то есть на юге Дальнего Востока. Вопрос в себестоимости продукции, наличии сырья и воды.

Для ЦБК в Хабаровском крае, с проектной мощностью 500 тыс. т целлюлозы, потребуется 2,5 млн м³ древесины, вопрос сырья является острым. RFP Group за счет своей лесосеки может обеспечить не более 40% этого объема. Потенциальная возможность увеличения объемов сырья есть, в том числе за счет полной утилизации ресурсов, включая тонкомерную, малоценную древесину, которые сейчас не используются (например, только в Хабаровском крае из переданного в рубку объема древесины в 2017 г. было заготовлено лишь 57%, или 4,7 млн м³)²⁷.

Кроме того, в качестве одного из возможных способов решения сырьевой проблемы федеральные власти на Дальнем Востоке рассматривают введение законодательной инициативы изъятия участков у тех предприятий, которые не осваивают выделенные лимиты заготовок. В конце 2018 г. полпредом Президента РФ в ДФО был инициирован законопроект по внесению изменений в Лесной кодекс РФ в части установления особенностей заключения и расторжения договоров аренды лесных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности и расположенных на территории ДФО²⁸. Предлагается в договоры аренды лесных участков лесопользователями включить два обязательных условия: реализация арендатором необработанной

²⁷ URL: <https://les.khabkrai.ru/Deyatelnost/Lesoupravlenie-i-ispolzovanie-lesov> (дата обращения: 05.04.2019).

²⁸ В Лесной кодекс могут внести изменения для Дальнего Востока 06.12.2018. URL: <https://minvr.ru/press-center/news/20030/> (дата обращения: 30.12.2018).

древесины не должна превышать 50% от общего объема выпуска древесной продукции; объем изъятия древесины на арендуемом участке должен составлять не менее 70% от допустимого в течение двух лет. Нарушение одновременно двух обязательств является основанием для досрочного расторжения договора аренды лесного участка в одностороннем порядке.

Предполагается, что такой механизм наделения арендаторов лесосырьевой базой позволит стимулировать ее более эффективное использование и лучше контролировать деятельность лесозаготовителей. Законопроект уже согласован с Минпромторгом России, Минприроды России, правительствами регионов ДФО.

Заключение

В начале статьи было поставлено несколько вопросов, ответы на которые мы попытались найти. Один из них касался того, влияние какого из факторов – институционального или внешнего спроса – в большей степени определяет вклад в будущее развитие лесного комплекса Дальнего Востока?

Установлено, что набор институциональных инструментов, применяемых в лесном комплексе региона в последние годы, заметно расширился. Однако воспользоваться новыми преференциями и отраслевыми новациями смогли лишь крупнейшие компании ЛПК. А изменение таможенных условий способствует «выталкиванию» среднего и малого бизнеса из экспортной деятельности. Кроме того, велика вероятность того, что ужесточение условий наделения лесопользователей сырьевой базой также коснется главным образом средних региональных компаний.

Намеренно или нет происходит изменение размерной структуры комплекса, сказать сложно. Возможно, инициаторы институциональных новаций не могут предвидеть всех последствий принимаемых решений, выгод и издержек хозяйствующих субъектов, подпадающих под их действие [Тамбовцев, 1997].

Бросается в глаза, что государственная отраслевая поддержка развития деревопереработки в стране в целом становится более сдержанной. Возможно, это связано с тем, что государство, разочаровавшись итогами десятилетнего эксперимента по технологическому развитию комплекса, решило установить барьеры для отсека неэффективных инвесторов. А вот региональные

инструменты прицельного регулирования ЛПК только набирают ход, и их последствия пока непредсказуемы.

Что касается фактора внешнего спроса, его значение за последние годы тоже возросло. Привязка дальневосточных лесопользователей к Китаю как к крупнейшему потребителю лесной продукции приводит к зеркальному отражению колебаний конъюнктуры на китайском рынке на показателях их деятельности. Все инвестиционные ожидания для дальнейшего развития лесного комплекса Дальнего Востока также связаны с китайскими партнерами. Об этом свидетельствуют и наличие китайских инвестиций в крупных лесопромышленных компаниях региона, и поиск инвесторов для ЦБК, и готовность федеральных и региональных властей предоставить им режимы наибольшего благоприятствования. Кроме того, готовность вкладываться в российские проекты в сфере ЛПК проявляет пока только китайский бизнес²⁹.

Говоря о будущей конфигурации дальневосточного ЛПК, отметим, что хотелось бы надеяться, что китайские инвесторы под преференциальными режимами не станут заниматься только заготовкой древесины, как уже показал пример создания Амазарского комбината в Забайкальском крае [Глазырина, Симонов, 2015]. Кроме того, проекты с участием китайского капитала на территории российского Дальнего Востока, особенно такие «экологоёмкие», как целлюлозно-бумажное производство, должны быть предметом пристального внимания с позиций их экологической «чистоты» [Глазырина, 2014].

Для развития лесного комплекса ДФО очень важно создание целлюлозного производства, которое может обеспечить рациональное использование имеющегося сырья, расширение продуктовой линейки и встраивание в новые продуктовые ниши на внешнем рынке, а также вклад в экономические показатели региона. Такое производство – инвестиционноёмкий проект, который требует больших объемов разного рода ресурсов. Поэтому активную позицию органов власти по содействию в поиске эффективного инвестора и в изыскании необходимых ресурсов можно только приветствовать.

²⁹ Китайские инвесторы готовы вкладываться в проекты на Дальнем Востоке 07.03.2019. URL: <https://minvr.ru/press-center/news/21289/> (дата обращения: 07.03.2019).

Однако ставка только на крупные компании – опасный путь. Для лесной промышленности большинства стран объективно характерен низкий уровень концентрации производства в лесозаготовительной отрасли и производства пиломатериалов, что обусловлено расположением предприятий ближе к лесным ресурсам³⁰.

Чтобы гармонично развивать лесной комплекс ДФО, необходимо сохранить то его стабильное ядро из небольших лесозаготовительных и лесопильных предприятий, которое уже доказало свою «живучесть» за прошедшие годы. С этой точки зрения последние решения органов управления, которые могут привести к «переформатированию» сырьевой базы и производственной деятельности в пользу отраслевых гигантов, могут нарушить целостность экономической системы «лесной комплекс Дальнего Востока».

Нужно помнить, что государственные решения должны быть встроены в общую политику по снижению экономических рисков в национальной экономике [Изотов, 2018], а не по их формированию.

Литература

Антонова Н. Е., Волков Л. В., Сухомиров Г. И. Биоресурсный сектор Дальнего Востока России // *Пространственная экономика*. 2017. № 2. С. 110–137. URL: [http://dx.doi.org/10.14530/se.2017.2.110–137](http://dx.doi.org/10.14530/se.2017.2.110-137)

Глазырина И. П., Забелина И. А., Клевакина Е. А. Экологическая составляющая экономического развития: приграничные регионы России и Китая // *ЭКО*. 2014. № 6. С. 5–24.

Глазырина И. П., Симонов Е. А. «Экологическая цивилизация» Китая: новые вызовы или новые перспективы для России? // *ЭКО*. 2015. № 7. С. 52–72.

Доценко И. Китайский бизнес по-новому открывает Дальний Восток // *Российская газета*. 2017. 29 дек. [Эл. ресурс]. URL: <https://rg.ru/2017/12/29/kitajskij-biznes-po-novomu-otkryvaet-dalnij-vostok.html> (дата обращения: 20.03.2019).

Изотов Д. А. Дальний Восток: новации в государственной политике // *ЭКО*. 2017. № 4. С. 27–44.

Лесной комплекс Дальнего Востока России: аналитический обзор. Хабаровск: РИОТИП, 2008. 192 с.

Минакир П. А. Экономика регионов: Дальний Восток. М.: Экономика, 2006. 848 с.

Современное состояние лесов Российского Дальнего Востока и перспективы их использования / Под ред. А. П. Ковалева. Хабаровск: изд-во ДальНИИЛХ, 2009. 470 с.

³⁰ URL: <http://www.fao.org/docrep/013/i2000r/i2000r00.htm> (дата обращения: 07.04.2019).

Спивак В. Великая китайская вырубка. Что реально угрожает сибирскому лесу. Московский Центр Карнеги 28.08.2018 [Эл. ресурс]. URL: <https://carnegie.ru/commentary/77100> (дата обращения: 10.03.2019).

Тамбовцев В.Л. Теоретические основы институционального проектирования // Вопросы экономики. 1997. № 3. С. 82–94.

Шейнгауз А.С. Природно-ресурсный сектор экономики Дальнего Востока: интеграционный потенциал // Экономическое сотрудничество Дальнего Востока России и стран Азиатско-Тихоокеанского региона / Под ред. П. А. Минакира. Хабаровск, РИОТИП, 2007. С. 62–87.

Forest Products 2016. Rome. Food and Agriculture Organization of the United Nations. 2018. [Эл. ресурс]. Available at: <http://www.fao.org/3/19987M/i9987m.pdf> (accessed 20.02.2019).

Hyde, W.F. The experience of China's forest reforms: What they mean for China and what they suggest for the world? *Forest Policy and Economics*, 98. 2019. Pp. 1–9.

Hyde, W.F., Yin, R. 40 years of China's forest reforms: Summary and outlook? *Forest Policy and Economics*, 98. 2019. Pp. 90–95.

Shi, M., Yin, R., Lv, M. An empirical analysis of the driving forces of forest cover change in northeast China. *Forest Policy and Economics*, 78. 2017. Pp. 78–87.

The 13th Five-Year Plan For Economic And Social Development of the People's Republic of China (2016–2020) [Эл. ресурс]. Available at: <http://en.ndrc.gov.cn/newsrelease/201612/P020161207645765233498.pdf> (accessed 28.02.2019).

Для цитирования: Антонова Н.Е. Лесной комплекс Дальнего Востока: есть ли задел под будущее развитие? // ЭКО. 2019. № 5. С. 27–47.

Статья поступила 25.03.2019.

Summary

Antonova, N.E., Doctor of Economics Sciences, Economic Research Institute of the Far Eastern Branch RAS, Khabarovsk

Forest Complex of the Far East: is there Groundwork for Future Development?

Abstract. The article investigates the current state and development opportunities of the forest complex of the Far East as a possible industry of global specialization. Two essential factors are considered for their influence on the forest complex – the institutions and the external demand. It is demonstrated that public industrial support for development of high added value production is getting more restrained. As the region became the object of special attention from the federal center, regional support is generally provided to large businesses. It is revealed that external demand is ever more oriented to the Chinese market both in timber trade and investment participation. It is shown that the prospects of forest complex development in the Far East are connected with creation of a pulp and paper mill where institutional and external factors converge the most.

Keywords: forest complex; Far East; institutional factor; factor of external demand; prospect of development

References

Antonova, N.E., Volkov, L.V., Sukhomirov, G.I. (2017). Bioresource sector of the Russian Far East. *Prostranstvennaya Ekonomika*. No. 2. Pp. 110–137. DOI: 10.14530/se.2017.2.110–137. (In Russ.).

Current state of the woods of the Russian Far East and prospect of their use (2009). Ed. A.P. Kovalev. Khabarovsk: RIOTIP. 470 p.

Docenko, I. (2017). The Chinese business is started in a new way by the Far East. *Rossiyskaya Gazeta*. December 29. Available at: <https://rg.ru/2017/12/29/kitajskij-biznes-po-novomu-otkryvaet-dalnij-vostok.html> (accessed 20.03.2019).

Forest Products 2016. (2018) Rome. Food and Agriculture Organization of the United Nations. [Эл. ресурс]. Available at: <http://www.fao.org/3/I9987M/I9987m.pdf> (accessed 20.02.2019).

Forest Sector of the Russian Far East: An Analytical Survey (2008). Khabarovsk: RIOTIP. 192 p.

Glazyrina, I.P., Simonov, E.A. (2015). «Chinese environmental civilization»: the new challenges or the new opportunities for Russia? *ECO*. No. 7. Pp. 52–72. (In Russ.).

Glazyrina, I.P., Zabelina, I.A., Klevakina, E.A. (2014). Environmental component of economic development: transboundary regions of Russian Federation and China. *ECO*. No. 6. Pp. 5–24. (In Russ.).

Hyde, W.F. (2019). The experience of China's forest reforms: What they mean for China and what they suggest for the world? *Forest Policy and Economics*, 98 pp. 1–9.

Hyde, W.F., Yin, R. (2019). 40ears of China's forest reforms: Summary and outlook? *Forest Policy and Economics*, 98 pp. 90–95.

Izotov, D.A. (2017). The current government decisions for economic development of the Russian Far East: a critical view. *ECO*. No. 4. Pp. 27–44. (In Russ.).

Minakir, P.A. (2006). *Region's economics: Russian Far East*. Moscow. *Economica Publ.* 848 p. (In Russ.).

Sheingauz, A.S. (2007). Natural recourse sector of economy of the Far East: integration potential. In: *Economic cooperation between the Russian Far East and Asia-pacific countries*. Khabarovsk. RIOTIP. Pp. 62–87. (In Russ.).

Shi, M., Yin, R., Lv, M. (2017). An empirical analysis of the driving forces of forest cover change in northeast China. *Forest Policy and Economics*, 78 pp. 78–87.

Spivak, V. Great Chinese cutting. What really threatens the Siberian forest Carnegie Moscow Centre 28.08.2018 Available at: <https://carnegie.ru/commentary/77100> (accessed 10.03.2019).

Tambovcev, V.L. (1997). Theoretical bases of institutional design. *Voprosy Ekonomiki*. No. 3. Pp. 82–94. (In Russ.).

The 13th Five-Year Plan For Economic And Social Development of the People's Republic of China (2016–2020) [Эл. ресурс]. Available at: <http://en.ndrc.gov.cn/newsrelease/201612/P020161207645765233498.pdf> (accessed 28.02.2019).

For citation: Antonova, N.E. (2019). Forest Complex of the Far East: Whether there is a Groundwork for Future Development? *ECO*. No.5. Pp. 27-47. (In Russ.).